

Елена Сапогова (Elena Sapogova)

Тульский государственный университет, Россия (Tułski Państwowy Uniwersytet,
Rosja)

e-mail: esapogova@yandex.ru

Автобиографическая наррация как способ смысловой организации жизненного опыта¹

SUMMARY

Autobiographical narrative as a way of the sense of life experience

The article provides a theoretical grounding for understanding personal autobiographical narrative as a way of a life-experience sense-formation. Autobiographical narrative is regarded as a social and mental phenomenon. The author presents a complete analysis of the basic narrative construction forms – descriptive, didactic, emotional-metaphorical (performative), analytical-theleological, symbolical-semantic. Describing relation of essential features forming autobiographical narration, the author considers among them correspondence of authenticity and identity, logical noncontradiction of a narrative space-and-time demension, nontriviality, tendency toward cognitive complication, interrelations with subject's existential expectations, etc. The main conditions forming autobiographical narrative, as described in the article, are: self-explanation, congruence to the subject, self-sufficiency and relativity, self-generation. These conditions make autobiographical narrative means of life-experience self-formation and tools of personal self-construction.

Key words: autobiographical narrative, attitude, experience, meaning, personality, life experience.

*Участь каждого человека является личной
лишь постольку, поскольку она может
оказаться напоминающей то, что уже есть
в его памяти.*

Э. Маллиа

В последние годы в психологии растёт число публикаций, отражающих ориентацию гуманитарных наук на «воскрешение субъекта» (М. Фуко, Ж. Деррида, П. Смит, Дж.

¹ Статья подготовлена в 2010 г. при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 10-06-00152 а).

Уард, М. Готдинер, Х. Уайт, К. Меррей, М. Саруп, Р. Барт и др.). Внимание к конкретному субъекту, направленное на поиск механизмов, посредством которых человек в различных социальных и дискурсивных практиках «сам превращает себя в субъекта»², во многом способствует преодолению распространяющегося «кризиса идентификации», мешающего современному человеку чётко зафиксировать самоидентичность своего сознания и себя как личности³. «Кризис идентификации», по определению Дж. Уарда, есть «кризис судьбы как психологического феномена, основанного на целостном восприятии субъектом своей жизни как идентичной самой себе, онтологически конституированной биографии»⁴. Это, в свою очередь, стимулирует исследовательский интерес к содержанию, сущности, механизмам, функциям автобиографических историй, конденсирующих уникальный жизненный опыт конкретного человека – сверстника определённого поколения, свидетеля определённых событий, участника определённых действий.

Автобиографическая наррация, рассматриваемая как психологический (а не как, к примеру, литературный или исторический) предмет, представляет собой, на наш взгляд, двуединую сущность, которую хорошо сформулировал Д. Шиффрин, определяя нарратив как «форму дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентируем прошлый опыт для себя и для других»⁵.

Прежде всего, автобиографический нарратив выступает как *социальный феномен*, появившийся как результат необходимости являть, презентировать свою внутреннюю сущность социальному окружению, делать вклады в других людей и участвовать опытом своей жизни в жизни других, делаясь индивидуально постигнутыми ценностями и смыслами. Процесс такого смыслового «самоявления» отвечает внутренней интенции, желанию и готовности личности открываться, выявляться, «высвечиваться» (в терминах М. Хайдеггера и М. Босса) через диалог для других людей и для бытия в целом. Кроме того, автобиографический нарратив может строиться как отзыв на прямое или косвенное «вопросание» членов социума, ищущих ответы на те же самые вопросы, что и данная личность, и в этом плане найденные ею уникальные «способы жить» оказываются прецедентными для других и встраиваются в общекультурный и даже, в случае значимости для многих, общечеловеческий ресурс опыта. В этих случаях, конечно, речь идёт об опыте взрослой личности, чьи способы совладания с жизнью уже достаточно обобщены и осознаны. Именно поэтому стремление разделить накопленный жизненный опыт с другими, передать его значимые фрагменты следующим поколениям описывается многими авторами как одна из специфических характеристик взрослости.

Но в каждом случае, чтобы раскрыть систему личных смыслов для других в процессах автонаррации, человеку необходимо становиться «знаком самого себя»⁶, дро-

² М. Бланшо, *Опыт-предел*, [в:] *Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века*, Санкт-Петербург 1994, с. 212–240.

³ М. А. Можейко, *От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформация нравственного сознания в современной культуре*, [в:] *Творческое наследие семьи Перих в диалоге культур: философские аспекты осмысления. Сборник научных трудов*, Минск 2005, с. 288–322.

⁴ G. Ward, *Postmodernism*. L.-Chicago 1997, pp. 105–155.

⁵ D. Schiffrin, *In Other Words: Variation in reference and narrative*, Cambridge 2006, p. 321.

⁶ Е. Е. Сапогова, *Человек как знак для самого себя: о концептах самоинтерпретации и самопостроения субъекта*, [в:] *Развивающийся человек в пространстве культуры: психология гуманитарного знания*, ред. Е. Е. Сапогова, Тула 2004, с. 191–197.

бя свою выстроенную онтологическую цельность «на множество относительных значений, составляющих семантику личной жизни, увиденной как текст повседневной биографии»⁷. Выстраивание автобиографического нарратива – это процесс означивания собственных жизненных смыслов, их перевод из континуального в дискретное состояние, придание им статуса личностной ценности.

Распаковка собственных смыслов для других всегда происходит опосредованным образом через знак, слово, текст, выступающие «как факты объективации сознания»⁸. Автобиографический нарратив с его своеобразной семантикой является одним из способов самовысказывания, *языковой идентификации* опытов проживания индивидуальной жизни⁹. Проговаривая вслух самого себя, строя для другого (пусть даже не реального, а подразумеваемого или даже вовсе выдуманного) постоянно удлинняющийся текст о себе, человек не только упорядочивает и конструирует самого себя как часть современного ему мира, но и создаёт контуры себя-иного, пока отсутствующего в бытии, но могущего появиться как результат осуществления «идеального проекта» (термин С.Н.Булгакова), выбранного данной личностью для последующей самореализации. Презентируя себя для других в текстах о себе (независимо от того, являются они правдивыми или вымышленными), человек, фактически, удостоверяет способ своего существования в социальном пространстве и одновременно верифицирует собственные смыслы. Поэтому автобиографический текст, каким бы он ни был, всегда пристрастен, несёт в себе отпечаток субъективной семантики личности, выражение внутреннего отношения человека к себе и событиям своего существования, преломленное через систему общекультурных значений.

Другой существенный аспект автобиографической нарративной организации состоит в том, что создаваемый ею текст есть феномен внутренний, *ментальный*, позволяющий личности фиксировать и упорядочивать накапливающийся бытийный опыт, осознавая через него свою уникальность и самобытность. В этой ипостаси биографический нарратив «обслуживает» понимание и принятие личностью самой себя, способствует осознанию и осмыслению личностной подлинности. Мы предлагаем говорить об автонарративе как о своеобразном *режиме функционирования сознания*: обращая сознание к своему носителю, она выступает как механизм глубокой персональной герменевтически ориентированной экзистенциальной рефлексии, в которой осуществляется самоинтерпретация, самопонимание, сопоставление и согласование себя-наличного и себя-проектного, поскольку, как писал М.М.Бахтин, «осознавать себя самого активно – значит освещать себя предстоящим смыслом»¹⁰. И именно эта сторона функционирования автобиографического нарратива интересует нас в большей мере, чем социальная самопрезентация субъекта через текст рассказанной автобиографии.

Построение автобиографического нарратива даёт возможность человеку раз за разом переживать себя в буквальном смысле «персоной *per se*» («для себя»): фрагментируя и осмысляя прожитую жизнь, человек всякий раз имеет возможность понять и принять себя как «себя-другого» – жившего, сделавшего ряд выборов, совершившего

⁷ В. И. Тютя, *Бахтин как парадигма мышления*, «Дискурс» 1996, № 1, с. 7.

⁸ В. П. Зинченко, *Живое знание*, Самара 1997, с. 61.

⁹ Ю. Хеннингсен, *Автобиография и педагогика*, Москва 2000, с. 15.

¹⁰ М. М. Бахтин, *Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема отношения автора к герою*, [в:] Собр. соч.: В 7 тт. – Том 1. *Философская эстетика 1920-х годов*, Москва 2003, с. 69–264.

определённые поступки, пережившего события, которые уже состоялись или как-то коснулись его и составили факты его индивидуальной жизни. Автореконструкция и совмещение этих многочисленных «Я-других» в контексте определённых жизненных обстоятельств не только становится ориентиром и *автопрецедентом* для дальнейшей жизни, но и способствует индивидуальному саморазвитию и жизнетворчеству. Обдумывая этот тезис, мы предположили, что создание автобиографического нарратива является одним из возможных способов *смысловой организации жизненного опыта* субъекта, смыслового освоения пространства и времени своей возможной жизни конкретным человеком.

Сторонники нарративного подхода вслед за классической работой Дж. Брунера «Жизнь как нарратив»¹¹ отстаивают тезис, что у человека нет иного способа описания прожитого (и проживаемого) времени, кроме как в формах нарратива: с психологической точки зрения такой вещи, как «жизнь сама по себе», не существует – жизнь всегда есть рассказ, с помощью которого образуются и существуют и обыденное сознание, и личность, и индивидуальное «Я». Эту мысль поддерживает и другой классик нарративного подхода Т. Сарбин, аргументируя идею рассказовой природы человеческого поведения: человеческая жизнь как таковая естественным образом подчинена законам нарратива, поскольку люди, обязательно проходя в своём развитии через процессы социализации, прибегают к прецедентам текстов, к набору известных в их культуре образов и сюжетов (из мифов, сказок и пр.) для упорядочивания и осмысления событий и происшествий собственной текущей жизни¹². Называя биографический нарратив своеобразным окном в мир индивидуального человеческого опыта, Э. Окс и Л. Кэппс определяют его даже как особую эпистемологическую форму постижения человеком окружающей реальности¹³.

Что происходит, когда человек выстраивает автобиографический нарратив? Он упорядочивает и собирает в осмысленное, а, главное, значимое для него целое накопленный опыт, который составляют не столько сами события, происшествия и реальные факты жизни в их хронологической последовательности (они лишь канва, по которой «вышивается» нарратив), сколько: 1) субъективные *когнитивные представления* о пережитых или как-то затронувших, коснувшихся его событиях – человек сам расставляет в них те смысловые акценты, выделяет именно те аспекты, которые оказались для него значимыми, «затронули его за живое» и были сочтены достойными для сохранения; 2) *эмоциональные переживания*, с ними связанные или появившиеся вследствие их; 3) *отношение к ним*, постепенно трансформирующееся во временной перспективе, по мере «поступления» в план осознания новых событий и происшествий; 4) *субъективные оценки*, данные им личностью с позиций её внутренних установок, целей и ценностей, актуальными на момент создания нарратива; 5) желаемые, но не случившиеся, нафантазированные или просто *вероятностные эпизоды и характеристики*, которые, как кажется личности, должны (и могли бы) закономерно вытекать из её самопредставлений, даже если они не имели места в реальной жизни. В этом плане к автобиографическому нарративу вполне приложим тезис А. Адлера, что люди

¹¹ J. Bruner, *Life as narrative*, “Social Research” 1987, № 54 (1), p. 11–32.

¹² T. R. Sarbin, *Narratology as a root metaphor in psychology*, [w:] *Narrative psychology: The storied nature of human conduct*, ed. T. R. Sarbin, N. Y. 1986, pp. 3–21.

¹³ E. Ochs, L. Capps, *Narrating the Self*, “Annual Review of Anthropology” 1996, № 25.

определяются не самими событиями жизни, сколь бы драматичными или счастливыми они ни были, сколько *приписываемыми им личностью значениями*.

Получаемый нарративный продукт, таким образом, оказывается *трансвременным смысловым феноменом, созданным для самозакрепления личности в значимой для неё реальности*. Он является результатом масштабной и многомерной когнитивной обработки отобранных жизненных эпизодов («что со мной было»), наложенных на текущие когниции, отношения, ценности, установки личности («как я это воспринимаю»), сопоставленных с непосредственно поставленными целями («как это влияет на мою жизнь») и смысловыми перспективами («чем это для меня стало»). Всё это подвергается эмоциональной оценке и «выравнивается» под самопредставления и самооценки личности, поэтому созданный нарратив никогда не противоречит «внутренней правде» личности и в какой-то степени является своеобразным *комплексным защитным механизмом*. В этом плане повседневно творимый нарратив помогает человеку осуществлять *смысловую регуляцию* собственной жизни.

Если хронология жизненного пути конкретного человека предполагает ответ на вопрос, какие события и происшествия и в каком порядке реально случились на его жизненном пути, то автобиографический нарратив есть *когнитивно-эмоционально-символический продукт*, результат осмысления, переосмысления и даже фантазирования о себе. Статус события в нём имеют не столько происшествия, реально случившиеся на его жизненном пути, сколько то, что личность *сочла случившимся*, что было подвергнуто когнитивному анализу и приобрело смысловое содержание.

Актуальное содержание автобиографического нарратива синтетически складывается из нескольких планов: реально бывшего (или сочтённого таковым), имеющегося настоящего, вероятностного («ещё могущего быть» и «могущего быть в принципе») и желаемого («не бывшего, но уже не верифицируемого» и «не могущего уже быть в принципе»). Автобиографический нарратив, таким образом, в содержательном плане представляет собой континуум достоверно-недостоверной информации о себе, которая упорядочивается личностью так, чтобы текст не содержал противоречий и явных логических нестыковок, амплифицируется дополнительными смыслами и символизируется. После внутренней смысловой обработки содержания полученный текстовый продукт может становиться предметом самопрезентации, любования, веры, гордости, самооправдания и пр. и во всех случаях он соотнесён с личностью своего творца.

Как ментопсихическое образование автобиографический нарратив апеллирует к *отношению* (почему именно эти события отобраны памятью из множества других), *переживанию* (чем стало для личности данное событие, может быть, вполне заурядное с точки зрения внешнего хрониста) и *смыслам* (как данное событие переопределило дальнейшую жизнь, перестроило жизненные стратегии и, может быть, саму личность человека). Непосредственная актуальность триады отношения-переживания-смысла живущего здесь-и-теперь конкретного человека в чём-то сродни литературному принципу page turner'a – «переворачиванию страниц» с неубывающим интересом к развитию сюжета, когда осмысление каждого конкретного жизненного эпизода создаёт напряжение и любопытство к тому, что и как произойдёт дальше, и даже моделирует, планирует последующие события и интенции. В этом плане нарратив выступает не только как смысловое подытоживание, но и как своеобразный *способ самопрограммирования жизни* – смыслы одновременно и «принуждаются» к существованию через опыт конкретной личности, и высвечивают для личности её саму на нескольких жизненных «шагах» вперёд.

В то же время в момент создания (обновления) автобиографического нарратива содержание общеизвестных значений нормативных жизненных событий, в которые «одет» нарратив, рассыпается на пазл индивидуальных смыслов: например, как замечает М. Эпштейн, «война» для конкретного человека предстаёт вовсе не как «конфликт между политическими образованиями, происходящий в форме боевых действий между их вооружёнными силами», а как «холод», «огонь», «стыд», «страх», «боль», «страдание», «бой», «кураж», как «хлеб», «баня», «контузия», «ранение», «письмо», «утрата» и т.д. – так, по его мнению, создаётся индивидуальный смысловой биографический тезаурус¹⁴. И именно эти смыслы и образы выразят и сохранят многое из континуального, текущего, часто почти невыразимого словесно персонального опыта проживания человеком своей жизни. Если эти извлеченные из опыта смыслы совпадут со смысловыми позициями других людей, переживших в прошлом и переживающих в настоящем сходные события, то есть окажутся значимыми для многих, они сохранятся в поколениях, получают статус значений и тем самым закрепят индивидуальный опыт в пластах общекультурного опыта данной социокультурной общности (осуществится означивание индивидуальных смыслов).

Рассказывание жизни ≠ рассказыванию о жизни, поскольку оно предполагает не просто вспоминание и описание некоего конкретного случая, а изложение его как значимой, ценностной части целостного жизненного опыта, то есть как *смыслообразующей структуры*. Рассказываемые жизненные эпизоды выступают как синтетические ментопсихические единицы процесса самосотворения, «Я»-порождения. Эти фрагменты совмещают в себе разные содержания жизненного опыта во всей их чувственно-когнитивной полноте - вне времени, вне хронологической последовательности и логической связанности, а как непрестанно «здесь-и-сейчас» *актуализированные*: наши респонденты, к примеру, часто говорят о том, что первый поцелуй всегда «живёт» на губах, события молодости не утрачивают своей яркости и жизненности, последнее прощание близкого человека не сдвигается в прошлое, навеки оставаясь в сердце, и тяжёлая утрата переживается как абсолютно «незалеченная временем». Речь идёт о тех архизначимых, насыщенных, «горячих» в бытийном и смысловом плане для личности фрагментах жизни, которые «всегда с тобой» - это тот «сухой остаток» опыта (те самые случаи), для которого ни время, ни пространство не имеет значения. Именно из них и строится «Я», только «Я» и никто другой – эта уникальная констелляция и определяет специфику конкретного жизненного пути.

М. Эпштейн предлагает называть такие «наборы» образов и конструкторов жизнерасказывания тезаурусом жизни, своеобразными словарями себя, включающими «имена и образы людей, с которыми я был знаком, – соучастников моей жизни; названия вещей, составлявших мое материальное окружение; те страны и города, где я бывал; тех писателей, которых я читал; те эмоциональные состояния, которые мне доводилось переживать; те понятия и идеи, которым я придавал ценность и воплощению которых отдавал свою жизнь или с которыми, наоборот, враждовал... Эта совокупность имен и названий, образов и переживаний, понятий и идей и образуют тезаурусное наполнение жизни. Если нарратив – это временной срез жизни в последовательности её событий, то тезаурус – это континуум событий, одновременно предстоящих сознанию, где содержание жизни развернуто в виде всеобъемлющего «каталога» людей, мест,

¹⁴ М. Эпштейн, *Жизнь как тезаурус*, «Московский психотерапевтический журнал» 2007, № 4.

книг, чувств и мыслей <...> если нарратив описывает историю жизни, то тезаурус – её картину»¹⁵.

Вряд ли можно согласиться с тем, что именно нарратив описывает историю жизни личности. Историю конкретной жизни выстраивает всё же хронологическая последовательность событий, а вовсе не нарратив, для создания которого из цепочки событий отбирается то и только то, что, с точки зрения «здесь-и-теперь-рассказчика», имеет к нему отношение, что в той или иной степени его затронуло. Хронист, вероятно, о свершившейся жизни (*post mortem* её носителя) сможет ответить лишь на вопрос, в какой последовательности протекали её события, а нарратор попытается понять и сформулировать, зачем и ради чего события этой жизни наступали, поступки совершались, выборы делались, обстоятельства преодолевались и т.д. В отличие от жизненной хроники, любой автобиографический нарратив несёт на себе печать личностной интерпретации, пристрастности, телеологичности и амплифицированности – что-то из хронологической жизненной цепочки в смысловом плане нарратором специально или бессознательно недооценено, что-то выпущено, трансформировано и заменено на другое, а что-то, наоборот, переоценено, обогащено и усилено дополнительными смыслами и заняло в его структуре системообразующее место, подчиняясь избранному личностью сценарию и жизненному мотиву (свершения, преодоления, борьбы, страдания, обязательства и пр.)¹⁶.

С другой стороны, в принципе соглашаясь с идеей персональных тезаурусов, можно вспомнить и известный тезис А. Адлера – о чём бы человек не рассказывал, какими бы образами и конструктами не оперировал, к каким бы чувствам и принципам не взывал, – он всегда говорит лишь о себе, поэтому всё в автобиографическом нарративе несёт единый смысловой принцип, внутреннюю цельность, которую зрелая личность реализует всей своей жизнью. И в этом плане, конечно, картины его жизни всегда «предстоят» ему во всей вневременной полноте их содержания (в этой связи также уместно вспомнить идею «личных альбомов» сознания У. Глассера – визуальных, вкусовых и т.д.), связанные смысловой близостью к «ядерным» концептам самосознания, к «семантическим гнёздам» индивидуальной семиосферы («Я», «моё», «моя семья», «мои друзья», «моё призвание», «мои интересы», «мои знания», «мой долг», «моя вера», «моя любовь» и пр.).

Нарратив в смысловом плане всегда есть *связная целостность*, упорядочивающая индивидуальный опыт в такую систему, которая ясна, понятна своему создателю и как-то *объясняет ему его самого*. Всё, что личность сочла значимым и необходимым для своего существования в мире и осуществления потребных ей социальных практик, всё априори содержится в тех смысловых единицах, из которых выстраивается нарратив. М.Эпштейн предлагает удачное обозначение для этих единиц – «биограммы», понимая под ними «структурные единицы жизненного целого» (например, «дружба», «одиночество», «встреча», «разлука», «учеба», «болезнь», «замужество», «роды» и т.д.)¹⁷. При создании автобиографического нарратива человек всякий раз располагает необходимые ему биограммы в определённом временном порядке в зависимости от интерпретации, которой подверглись прожитые эпизоды жизни.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Е.Е. Сапогова, *Поэтика автобиографии...*, с. 227–233.

¹⁷ М. Эпштейн, *Жизнь как тезаурус...*

Природа автобиографического нарратива – дискурсивно-диалогичная, но по большей части этот дискурс – внутренний, персональный, построенный на автокоммуникации и апеллирующий к диалогичности индивидуального сознания. По аналогии с известной метафорой Н.Д. Арутюновой, что дискурс есть речь, погружённая в жизнь¹⁸, можно сказать, что автобиографический нарратив – это внутренняя речь, погружённая в индивидуальную жизнь и отражающая индивидуальную идеологию, жизненный стиль личности. Он, если прибегнуть к логике рассуждений М. Фуко, создаётся во внутреннем пространстве личности посредством диалога с самим собой (и тогда очень важно, *чей* это дискурс и *какой*), что требует от личности навыков автокоммуникации и рефлексии. Люди, не обладающими подобными навыками, обычно строят не столько нарратив, сколько хронику жизни, предполагающую лишь перечисление нормативных жизненных эпизодов – нечто вроде анкеты для отдела кадров. Опыт автокоммуникации и рефлексии приводит к разрастанию психосемантического содержания жизнеописания и в каком-то смысле стимулирует жизнетворчество.

В принципе, любая жизнь может быть представлена либо в форме хроники, либо в форме нарратива, и у каждого из этих описаний – свои законы построения, схваченные стремлением либо отразить в рассказывании саму реальность, фактологию пройденного жизненного пути (жизнеописание, хроника), либо передать индивидуальное отношение к нему, закрепить в нём обретенные личностью смыслы (жизнерассказывание, автобиографический нарратив). Способ рассказывания жизни регулируется мотивацией рассказчика и ситуацией, в которой и для создания которой биография повествуется. Можно выделить несколько форм смыслового конструирования автобиографического текста.

Наиболее частотный и востребованный социумом - *констатирующий (описательный)* способ, представляющий собой своеобразную переходную форму от хроники к нарративу. В этом случае создаётся ориентированная на текущий социальный запрос и принятые оценочные позиции биография-схема, содержащая по большей части слегка индивидуализированные нормативы-шаблоны «родился...», «закончил школу...», «поступил...», «работал...» и т.д. Авторским вкладом здесь является лишь включение минимальной детализации («в 1982 году», «школа № 98», «с красным дипломом», «работа нравилась» и т. д.). Очень многие люди оказываются в состоянии рассказывать о себе только таким способом и используют для этого безличные текстовые клише («вступил в ряды», «состоял», «не привлекался», «принимал участие», «сочетался законным браком», «был отмечен», «продвигался по служебной лестнице...» и т.д.).

Достаточно распространённым является также *наставительный (дидактический)* способ - жизнь излагается как урок, «завет», образец, «пример» (мужества, верного служения, терпения, достойной жизни, честной бедности и т.п.), имплицитно составляющий гордость, жизненное кредо, некое внутреннее убеждение рассказчика, которое он стремится донести до слушателя для создания определённого образа своего «Я» и обычно содержит нравоучительные высказывания, «моралите»: «я прожил трудную, но достойную жизнь», «я всегда старался жить по совести...», «горбатились всю жизнь, рядились простенько, но себя никогда не теряли», «дай Бог каждому прожить вместе тридцать лет в любви и согласии» и т.п. Биографический нарратив содержит

¹⁸ Н.Д. Арутюнова, *Дискурс*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва 1990, с. 137.

некоторые индивидуализированные черты, но они «загнаны» в «выпрямленные» шаблоны оценочного плана - социально должного, одобряемого, понятого субъектом как «правильное». Эта подгонка несколько выхолащивает персональное содержание автобиографического нарратива и превращает персональную жизнь в апокрифическое «житие», поэтому он не так уж много говорит о том, кто и как прожил индивидуальную жизнь, что в ней понял, что считает важным и пр.

Несколько иной способ рассказывания своей жизни, но также достаточно распространённый в современных социально-дискурсивных практиках, - *эмоционально-метафорический (перформативный)*: здесь биографический нарратив строится с использованием интертекстуальности - как конструирование совокупности социально привлекательных «случаев» (лирических, комических, трагических, драматических), хотя и достаточно индивидуализированных, но тем не менее косвенно апеллирующих к более или менее известным архетипическим прецедентам с уже заложенными в них необходимыми переживаниями, оценками, вопросами. В отборе и презентации этих случаев главную роль играет собственное ценностное отношение к ним рассказчика, который и придаёт им нарративную форму - анекдота, фельетона, драмы, притчи и пр. Психологическая задача, которую решает здесь нарратор, - через прецедент задать в восприятии слушающего определённый образ самого себя, соотнесённый с известными прецедентами и слегка маскирующий индивидуальные особенности, которые нарратор по разным причинам не намерен афишировать («я такой же мудрый, как...», «я - такая же тонкая натура, как...»). Соотнесение с прецедентным авторитетом позволяет личности ещё до реального постижения партнёром её сущности набрать некие психологические дивиденды.

При использовании *аналитико-телеологического (энтимематического)* способа биографический нарратив строится как упорядочивание эпизодов жизни в соответствии с понятным субъекту целенаправленным движением к некоей осознаваемой им цели и содержит некоторые подробности выводов, принятых решений, создания планов, оценок собственных возможностей и достижений («что мне было делать? Пришлось...», «если бы мои родители..., то...», «я решил тогда...», «я знал, что должен...», «чтобы выбраться из нашей провинции, мне было нужно...», «и тут я понял, что надо...», и т.д.). Наконец, что, в общем, достаточно редко, биография может рассказываться *символически-смысловым* способом - в этом случае каждый автобиографический эпизод представляется не только и не столько как значащий для личности факт сам по себе, сколько как отражение некоего иного, более масштабного, даже иногда надличностного, содержания; он интерпретируется личностью в более широких контекстах понимания собственной жизни и собственной личности. В этих случаях биографический нарратив строится как означивание результатов самопонимания и постижения неких над-стоящих для субъекта семиотических конструкций. И тогда герменевтически ориентированное повествование о привычных жизненных событиях (свадьбах, рождениях, смертях) может содержать рассуждения об их неслучайном характере, намёки на их тайный смысл, подлежащий расшифровке («я родился в тот же день, что Иисус Христос», «в нашей семье все мужчины умирали в один и тот же день...», «мне не было иного пути, как...», «в день, когда мы женились, была страшная гроза...» и т.д.), попытки связать собственный жизненный путь с чем-то большим, чем он реально есть. Помимо прочего, выстраиваемый таким образом нарратив отражает стремление субъекта очертить границы «своего» в общем пространстве жизни, зафиксировать осознанную им подлинность своих стремлений, желаний, выборов и т.д.,

а сам он может рассматривать себя и свою жизнь как часть мироздания вообще, как воплощение некоего призвания, как исполнение миссии и пр. Этот способ повествования о себе часто не обретает социального плана (в силу того, что он, во-первых, труден для изложения, а, во-вторых, не всегда действительно интересен слушателю и вызывает смысловой отклик) и сохраняется лишь для «внутреннего пользования» личности.

Ещё раз сославшись на М. Эпштейна, добавим, что, вероятно, есть жизни, в большей или меньшей мере располагающие к тому или иному способу их рассказывания, то есть «есть жизни более действенные, событийные, полные приключений, динамично развернутые во времени. И есть жизни более созерцательные, вбирающие разные стороны бытия не столько в последовательности событий, сколько в совокупности переживаний, размышлений, значимых отношений и воззрений. Есть жизни-романы и жизни-панорамы»¹⁹, поэтому люди, проживающие их, накапливают по преимуществу либо непосредственный событийный, «инвентарный» слой биографии, либо «смысловой» слой, состоящий из когнитивных, образов, переживаний, отношений.

Смысловой, объяснительный слой нарративов по сравнению с событийным вообще менее «выговорен» в культуре, менее проработан, менее понятен и менее доступен массовому пониманию, поскольку он в большей степени индивидуализирован, «привязан» к конкретному субъекту, погружён в его частный опыт и по большей части адресуется самому субъекту. У личности часто даже нет слов для презентации подобного опыта, хотя интенция к его высказыванию существует. Кроме того, сам процесс создания и последующей презентации содержания биографического нарратива требует специфических внутренних усилий по «высвечиванию» себя для начала хотя бы для самого себя, которые в разной степени на разных этапах исторического развития поддерживаются социумом. Другими словами, есть эпохи большего и меньшего внутреннего самораскрытия индивидуальности, более высокого уровня самовыражения самосознания, поэтому большая часть психобиографического опыта так и остается малоизвестной, изредка прорываясь в межличностном общении экзистенциального уровня или в сложных для прочтения и понимания герменевтически ориентированных литературных произведениях.

Что же делает автобиографическую нарратацию способом смысловой организации жизненного опыта?

Во-первых, это присущая ей функция *упорядочивающего самообъяснения*. Согласно А. Данто, любое «повествование уже по своему характеру представляет собой некоторую форму объяснения»²⁰. Самообъяснение способствует выделению существенных для личности смыслов и тем самым ведёт к лучшему самопониманию. Дж. Веллеман указывает, что за счёт систематизации и индивидуального выстраивания причинно-следственных связей любой нарратив делает случившиеся события вообще доступными для понимания²¹ (хотя нельзя исключить тот факт, что доступность достигается за счёт упрощения переживаемой реальности путём соотнесения её с известными субъекту и разделяемыми им прецедентными категориями). Всё это согласуется также и с мнением Ю. Хабермаса о том, что строящаяся идентичность выступает в бытии не

¹⁹ М. Эпштейн, *Жизнь как тезаурус...*

²⁰ А. Данто, 2002, Аналитическая философия истории. Москва, с. 194.

²¹ J. D. Velleman, *Narrative Explanation*, "The Philosophical Review" 2003, Vol. 112, №1.

как фиксируемая реальность, а как делящаяся проблемность, постоянно побуждающая человека к самообъяснению.

Анализ совокупности опорных для личности прецедентов обнаруживает их внутреннее концептуальное ядро - то, что метафорически может быть названо «мотивом жить»), связанное с мотивационно-потребностной, ценностно-целевой и другими ориентациями субъекта. Принятые в процессах социализации и идентификации и насыщенные личностной ценностью прецеденты, установки и ориентации определяют нарративные ожидания субъекта, его «предчувствие сюжета» своей жизни²². Концептуальное ядро обуславливает тот факт, что личность тяготеет к отбору и сохранению в автобиографической памяти одних эпизодов жизни в большей степени, чем других, и переживает свою внутреннюю причастность к ним, согласованность с ними. В этом плане метафоры «путь художника», «путь мыслителя», и т.п. косвенно указывают на систему тех смысложизненных концептов, которые личность считает подходящими для воплощения самой себя, для реализации объяснённой самой себе своей внутренней сути.

Объяснительность биографического нарратива используется субъектом как своеобразный *инструмент самовоздействия*, поскольку, как указывают Й. Брокмейер и Р. Харре, нарратив не столько описывает реальность, сколько является «инструкцией» по её созданию²³, а в автобиографическом нарративе, фактически, создается собственное «Я» – значимое для себя и социально приемлемое для других. Созданный автонарративный продукт может вообще иметь минимальное отношение к реальности, но всегда – максимальное отношение к подлинным самоощущениям и интенциям конкретного субъекта. Биографический нарратив в соответствии с переживаниями, целями, представлениями и т.п. субъекта всякий раз может быть рассказан по-другому, но его концептуальное ядро остаётся более стабильным во времени, отражая идентификацию со значимыми для данного человека элементами существования.

Во-вторых, это переживаемая *истинность, конгруэнтность* рассказываемого индивидуальности рассказчика – то, что мы называем чувством «верного пути». Созданное личностью повествование «делает» прожитую жизнь более осмысленной, качественной, хорошей, «правильной», цельной, «такой, какой должно» (иногда даже «выпрямленной») в глазах самого субъекта (или, если нарратив используется в целях самопрезентации – для других): ошибки, неудачи, неуспешность и пр. в автобиографическом нарративе теряют свою фатальную бытийную остроту и обретают более нейтральный статус жизненного урока, самонаставления. Эти «самоопределяющие воспоминания»²⁴ укрепляют человека в том, что он, несмотря ни на что, является значимым, «умеет жить», что оказывается немаловажным во взрослом возрасте, и высвечивает для самой личности её истинную суть. В этом плане автобиографический нарратив является не только смысловым, но и символическим творением, как бы «снимая» общий смысл с непосредственно действующих, желаемых или уже воплощённых смыслов.

²² См. об этом: И. Сандомирская, *Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик*, [в:] Wien 2001, [Электронный ресурс] <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm>.

²³ Й. Брокмейер, Р. Харре, *Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы*, «Вопросы философии» 2000, № 3, с. 29–42.

²⁴ J. L. Singer, P. Salovey, *Organized knowledge structures and personality: Person schemas, self schemas, prototypes, and scripts*, [w:] *Person schemas and maladaptive interpersonal patterns*, ed. M. J. Horowitz, Chicago 1991, pp. 13–31.

Внутренне присущая автобиографическому нарративу *ретроспективно-перспективная направленность* создаёт личности в каждый момент обращения к ней своеобразный «обзор», «панораму» прожитых фрагментов жизни и открывает новые смысловые горизонты. В каком-то смысле творение автобиографического нарратива соотносимо с греческим понятием «пайдейя» в значении, о котором говорил С.С. Аверинцев: человек строит, обучает и воспитывает самого себя всю жизнь, исходя из своей конкретной реальности, из своих постепенно раскрывающихся поначалу скрытых характеристик.

В-третьих, это *самодостаточность* и одновременно осознаваемая личностью *отнесенность* содержания автобиографического нарратива, позволяющая ей чувствовать себя свободной. На эту характеристику нарратива указывал Р. Барт, говоря о том, что он может создаваться не столько ради прямого воздействия на реальность, сколько ради самого себя, ради субъекта, который его творит, следуя своим собственным целям, интенциям, желаниям. В этом смысле автобиографический нарратив является одновременно и защитным механизмом и формой воплощения личной свободы автора. Автобиография, рассказываемая на разных отрезках жизни самому себе, – это достаточно автономная реальность, создаваемая самим субъектом, и она может быть перестроена в любой момент так, чтобы «здесь-и-теперь» обеспечивать личности чувство самодостаточности, цельности, «состоятельности», во всяком случае, удовлетворять личность на определённом отрезке её существования. Любой нарратив, в том числе и биографический, является *открытой* текстовой структурой, он всегда может быть, изменён, дополнен, усечён, исправлен, реинтерпретирован и т.д. в соответствии с тем, что субъект в данный момент существования считает благом для себя²⁵.

В-четвёртых, это *порождающая* функция биографического нарратива, позволяющая привлекать к творению себя и своей жизни многомерные актуальные социальные и персонально значимые контексты. Это позволяет личности всё время ощущать себя «живой» и современной. Мы полагаем, что эта функция чрезвычайно важна для взрослой и особенно стареющей личности: она держит личность «на плаву», не давая ей замыкаться на самой себе, устранившись от жизни, за которой она перестаёт поспевать. Вероятно, именно поэтому взрослые люди более охотно говорят о себе, строят более развёрнутые биографические нарративы и даже в каком-то смысле стремятся к их легитимизации. Тем самым они вдвигают себя и найденные ими способы и правила своего существования в общую культуру социума, закрепляют свою уникальность в нём, творят новые прецедентные архетипические формы. В этом плане автобиографический нарратив предназначен не столько для отыскания неких истин индивидуального существования человека, сколько для утверждения освоенного способа бытия как экзистенциального прецедента.

Эта последняя функция настолько важна, что Д.П. Мак Адамс даже предложил идею модели идентичности, основанной на «жизненной истории»²⁶ – социокуль-

²⁵ См.: Х.-Г. Гадамер, *Диалектическая этика Платона*, [в:] *Феноменологическая интерпретация «Филеба»*, Санкт-Петербург 2000, с. 69-70.

²⁶ См.: D. P. Mc Adams, *Personality, modernity, and the storied self: A contemporary framework for studying persons*, “Psychological Inquiry” 1986, Vol. 7, pp. 295–321; D. P. Mc Adams, R. Josselson, A. Lieblich (ed.), *Identity and Story: Creating Self in Narrative*, Washington 2006, DC, 284 p.; D. P. Mc Adams, R. Josselson, A. Lieblich (ed.), *Turns in the Road: Narrative Studies of Lives in Transition*, Washington 2001, DC, 310 p.

турно обусловленном нарративе, являющемся частью Я-концепции («моё», по У. Джемсу). Жизненные истории личности объединяют разнообразные эпизоды жизни человека в некий согласованный паттерн, высвечивающий для него определённые смыслы. Именно поэтому некоторые истории способны становиться ключевыми, поворотными пунктами в жизни. Беседуя с людьми об их жизни, Д.П. Мак Адамс выделил такие параметры жизненных историй, как их тон (оптимизм-пессимизм) образы, используемые в них темы, основанные на индивидуальных целях, заявленную в них нравственную позицию.

В завершение выделим некоторые условия, которым в смысловом плане должен удовлетворять создаваемый субъектом автобиографический нарратив: 1) все собираемые в него эпизоды должны в разной степени, как осколки одного изображения, отражать подлинность и идентичность субъекта, во всяком случае, её концептуальное ядро (он не должен выступать в них противоречивым, разноплановым, нецельным); 2) составляющие его фрагменты должны совмещаться между собой, образуя удовлетворяющую субъекта логически достоверную и непротиворечивую в пространственно-временном плане структуру; 3) все нарративные эпизоды, даже выдуманные, должны иметь некий «якорь» в реальных событиях жизни личности (то есть восстанавливаться, реконструироваться до начального момента включения данного эпизода в нарратив); 4) нарративные эпизоды должны нести персональный смысл, эмоциональную значимость и ценность для конкретного субъекта и отражать его представления о самом себе и своих психологических ресурсах; 5) основные нарративные эпизоды не должны быть тривиальными, нормативными; каждому из них должен быть придан статус особого жизненного события, приписана ключевая или поворотная значимость для жизни субъекта; 6) нарратив при рассказывании должен содержать потенциал непредсказуемости, его эпизоды не должны с абсолютной точностью вытекать один из другого, полностью соответствуя известным архетипическим прецедентам (нарратив не должен отдавать фальшью, он должен выглядеть достоверным если не по включённым событиям, то по их структурированию); 7) нарративные эпизоды должны отражать не только общий план, перспективу жизни субъекта, но и его экзистенциальные ожидания, связанные с пониманием своего предназначения, миссии, жизненного стиля, жизненных мотивов; 8) автобиографический нарратив по мере удлинения в процессе проживания жизни должен стремиться к увеличению когнитивной сложности, стимулируя тем самым личность к герменевтической и рефлексивной активности и жизнотворчеству.

Литература

- Арутюнова Н.Д., *Дискурс*, [в:] *Лингвистический энциклопедический словарь*, Советская энциклопедия, Москва 1990.
- Бахтин М.М., *Автор и герой в эстетической деятельности. Проблема отношения автора к герою*, [в:] *Собр. соч.: В 7 тт. – Том 1. Философская эстетика 1920-х годов*, Русские словари, Языки славянской культуры, Москва 2003, с. 69–264.
- Бланшо М., *Опыт-предел*, [в:] *Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века*, Мифрил, Санкт-Петербург 1994, с. 212–240.
- Брокмейер Й., Харре Р., *Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы*, «Вопросы философии» 2000, № 3, 29–42.

- Гадамер Х.-Г., *Диалектическая этика Платона*, [в:] *Феноменологическая интерпретация «Филеба»*, Санкт-Петербургское философское общество, Санкт-Петербург 2000, с. 69–70.
- Данто А., *Аналитическая философия истории*, Идея-Пресс, Москва 2002.
- Зинченко В.П., *Живое знание*, Самара 1997.
- Можейко М.А., *От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформация нравственного сознания в современной культуре*, [в:] *Творческое наследие семьи Рерих в диалоге культур: философские аспекты осмысления. Сборник научных трудов*, Технопринт, Минск 2005, с. 288–322.
- Сандомирская И., *Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик*, [в:] Wien 2001. [Электронный ресурс] <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm>.
- Сапогова Е.Е., *Поэтика автобиографии: к анализу мотивов субъективных нарративов в психологическом консультировании*, [в:] *Развивающийся человек в пространстве культуры: психология гуманитарного знания*, ред. Е.Е. Сапогова, ТулГУ, Тула 2004, с. 227–233.
- Сапогова Е.Е., *Человек как знак для самого себя: о концептах самоинтерпретации и самопостроения субъекта*, [в:] *Развивающийся человек в пространстве культуры: психология гуманитарного знания*, ред. Е.Е. Сапогова, ТулГУ, Тула 2004, с. 191–197.
- Тюпа В.И., 1996, *Бахтин как парадигма мышления*, «Дискурс», № 1, 7–9.
- Хеннингсен Ю., *Автобиография и педагогика*, Педагогика, Москва 2000.
- Эпштейн М., *Жизнь как тезаурус*, «Московский психотерапевтический журнал» 2007, № 4.
- Bruner J., *Life as narrative*, “Social Research” 1987, № 54 (1), 11–32.
- Mc Adams D.P., Josselson R., Lieblich A. (ed.), *Identity and Story: Creating Self in Narrative*, American Psychological Assotiation, Washington 2006, DC.
- Mc Adams D.P., *Personality, modernity, and the storied self: A contemporary framework for studying persons*, “Psychological Inquiry” 1986, Vol. 7, 295–321;
- Mc Adams D.P., Josselson R., Lieblich A. (ed.), *Turns in the Road: Narrative Studies of Lives in Transition*, American Psychological Assotiation, Washington 2001, DC.
- Ochs E., Capps L., *Narrating the Self*, “Annual Review of Anthropology” 1996, № 25.
- Sarbin T.R., *Narratology as a root metaphor in psychology*, [w:] *Narrative psychology: The storied nature of human conduct*, ed. T.R. Sarbin, N.Y. 1986, pp. 3–21.
- Schiffrin D., *In Other Words: Variation in reference and narrative*, Cambridge 2006.
- Singer J.L., Salovey P., *Organized knowledge structures and personality: Person schemas, self schemas, prototypes, and scripts*, [w:] *Person schemas and maladaptive interpersonal patterns*, ed. M.J. Horowitz, University of Chicago Press, Chicago 1991, pp. 13–31.
- Veeman J.D., *Narrative Explanation*, “The Philosophical Review” 2003, Vol. 112, №1.
- Ward G., *Postmodernism*, L.-Chicago 1997.

STRESZCZENIE

Elena Sapogova

**Narracja autobiograficzna jako sposób pojęciowej organizacji
doświadczenia życiowego**

W artykule autorka na poziomie teoretycznym uzasadnia istotę autobiograficznej narracji jako sposobu pojęciowej organizacji życiowego doświadczenia. Pisze także o narracji autobiograficznej jako społecznym i mentalnym fenomenie. Opisuje sposoby budowania autobiograficznej narracji oraz zasady, które charakteryzują utrzymywanie biograficznej narracji: zgodność autentyczności i identyczności subiekta, logiczną niezgodność przestrzenno-czasowego planu, zgodność oczekiwań subiekta itd. W artykule podana jest także charakterystyka podstawowych funkcji narracji, służąca jako środek do pojęciowej organizacji doświadczenia życiowego subiekta.

Słowa kluczowe: autobiograficzna narracja, stosunek, przeżycie, sens, osobowość, doświadczenie życiowe.